

Елена Лебедева: Дети Крупской

Сегодня исполнилось 70 лет со дня смерти Н.К.Крупской, чтимой основоположницей марксистской педагогики и приложившей много труда для создания советской школы. Отношения Крупской со Сталиным, Троцким и Инессой Арманд останутся за рамками нашего рассказа. Крупская намного интересней в своих отношениях с детьми.

Личность Крупской овеяна легендами. Очень трудно распознать, где в рассказах о ней вымысел, где истина, а где отлакированная автобиография – ведь свои мемуары она писала в определенное время. Она родилась 26 февраля 1869 года в Петербурге. По преданию, ее далекий предок отличился при штурме Измаила, и будто бы взял себе в законные жены пленную турчанку. Отец и дед были почти революционерами. Игнатий Крупский отправился в Казанскую губернию под негласный надзор полиции за участие в движении декабристов. Константин Игнатьевич, тоже считался «неблагонадежным», так как поддерживал народников, читал Чернышевского Герцена, верил в науку и потешался над религией. Мать, Елизавета Васильевна, напротив, была верующей и, хотя церковь посещала «по настроению», иногда брала с собой дочурку, а у ее кровати повесила семейную икону. Девочка вечерами усердно молилась перед ней на сон грядущий и читала Евангелие, но тем не менее с юных лет не выносила всякую мистику, чудеса, знамения. Даже плакала от злости, когда ей читали сказку про двух друзей, один из которых предчувствовал смерть другого. Она понимала, что такой ерунды не бывает, хотя почему-то очень любила сказки про нечистую силу. Так что будущий предмет своего педагогического анализа – воздействие сказок на детское сознание, Крупская знала на собственном опыте.

Твердым характером она обладала с детства. Когда любимый отец неуклюже пошутил с ней во время вечерней молитвы «Будет тебе грехи замаливать-то, ложись спать!» она перестала говорить с ним о религии. Когда знакомый мальчик Боря, сын княжны-нигилистки, предложил ей плюнуть на образ, поскольку «мама говорит, что Бога нет», Наденька резонно возразила: «Ну мало ли, что мамы говорят!»

В Бога она верила до двадцати с небольшим лет. Для сознательной революционерки это очень долго. Ленин швырнул крест на землю гораздо раньше. Хотя и вера в Бога у нее была особенной – не «мистика» была причиной ее религиозности, а глубокое одиночество, поскольку даже с подругами она не делилась личными чувствами и думами. Позднее Крупская утверждала, что просто не умела «выразить свои переживания так, чтобы они были понятны другим», и оттого испытывала потребность в Боге. Она любила часами смотреть на лампадку перед образом, зная, что кто-то видит и понимает все, что происходит у нее в душе. Марксизм прогнал ее одиночество. Достаточно было осознать естественную, закономерную связь жизненных явлений, и потребность в Боге растаяла бесследно. Личный религиозный опыт во многом повлиял на ее педагогическую политику. Надежда Константиновна будет самыми разными способами намеренно лишать детей одиночества, чтобы они не нуждались в Боге.

Марксизм дал ей «величайшее счастье, какого только может желать человек: знание, куда надо идти, спокойную уверенность в конечном исходе дела, с которым связала свою жизнь». В 1889 году Крупская, окончившая частную гимназию, поступила на Высшие женские

курсы, но вскоре бросила учебу и устроилась учительницей в вечерне-воскресную школу для рабочих ради проповеди марксизма. Там состоялся ее первый удавшийся педагогический эксперимент. Увидев, как рабочая масса насквозь пропитана «религиозными предрассудками», Крупская стала разрабатывать практические методы антирелигиозной пропаганды, внимательно изучая, что привлекает рабочих к вере, и нащупывая правильный путь объяснения истины. Когда оказалось, что большинство рабочих считают науку барским делом, а веру – долей труженика, учительница стала разъяснять им классовую сущность религии. В результате из ее учеников никто не посещал уроки Закона Божия, обязательные в школе. Она даже уговорила слушателей ходить туда, как на дежурства, по очереди, чтобы не закрыли группу, и чтобы получше узнать «аргументацию попа», дабы знать, как ей противостоять. Священник на беду оказался не сильно подкованным в науке и неудачно попытался опровергнуть перед учениками эволюционную теорию Дарвина: «Брось курицу в воду, разве у нее вырастут перепонки?» О чем они с улыбкой доложили «учительше». Крупская сделала вывод и потом ввела обязательное изучение эволюционной теории в советской школе как одно из важнейших средств антирелигиозного воспитания. Был и такой случай. Один ученик, всегда искавший у Бога защиты от капиталистов, узнал, что «Бога нет», и ему вдруг полегчало. Он решил, что «рабом человечьим быть легче», ибо с таким рабством возможна борьба – и ударил ножом особо ненавистного мастера. Правда, вспоминала Крупская, в тюрьме он много читал и стал сознательным. Опытом преподавания в этой школе Крупская очень дорожила, потому что он позволил ей на практике исследовать религиозное сознание и уяснить его истоки: одиночество, безрадостность существования, тяжкая трудовая жизнь и унылость досуга – либо кабак, либо церковь.

Таким образом, ко времени первой встречи с Лениным, Крупская была человеком вполне сформировавшихся убеждений. Их знакомство состоялось в феврале 1894 года в Петербурге. Дело было на масленицу, и конспиративную встречу петербургских марксистов на квартире инженера Классона устроили под предлогом «блинов». Крупская пришла со своей подругой Аполлиарией Якубовой (будто бы их называли «Василиса Прекрасная и Василиса Премудрая», потому что одна была не очень умной, а вторая не очень красивой) и будто бы Ленину больше понравилась Аполлиария, но он стал наносить воскресные визиты к Крупским. Чувство оказалось взаимным, потому что Крупская угадала в нем великого лидера, а для него была важна женщина, близкая по духу. По делу созданного Лениным в 1895 году «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» оба были арестованы. Приговоренная к ссылке в Уфимскую губернию, она попросилась отбывать ее в Шушенское, как невеста Ульянова. 10 июля 1898 года состоялась свадьба, для которой местный ссыльный умелец изготовил два обручальных кольца из медных пятак.

Генеральную стратегию школьного образования всегда разрабатывал Ленин. Крупская с товарищами развивали ее на практике с собственными содержательными дополнениями и интерпретацией. Критика старой школы с позиции марксизма была направлена в первую очередь на преподавание религии. Разумеется, не из свободы совести, а потому что религия воспитывала у подростков монархическое и национально-патриотическое сознание. Это последнее называлось «проповедью великодержавного шовинизма» и порицалось как присущее «буржуазной культуре попов и капиталистов», призванное растить их покорных прислужников, а не «человеческую личность». В самом начале XX века были разработаны три постулата школьной реформы: требование придать школе светский характер, то есть отделить ее от Церкви, сделать ее общедоступной (бесплатной) и трудовой. В 1915 году появилась первая капитальная книга Крупской «Народное образование и демократия», в которой она отстаивала вожденный «трудовой метод обучения» – в школе учащиеся должны обретать трудовые навыки и применять полученные знания на практике. Существовавшую школу Крупская критиковала за ее изолированность, за одиночество детей, о которых никто не заботится, и за индивидуалистический характер воспитания.

После Октябрьской революции большевики смогли приступить к воплощению своих педагогических идей. Перед советской школой отныне ставилась глобальная задача воспитания нового человека, ибо школа должна была стать «орудием коммунистического перерождения общества в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм». Так антирелигиозная проповедь снова вышла на первый план, исходя из главной задачи воспитания, сформулированной Крупской: «Воспитывать – значит планомерно воздействовать на подрастающее поколение с целью получить определенный тип человека». Отсюда требовалось прежде всего в корне изменить его мировоззрение и воспитать в коммунистической морали – она и пришла на смену религии. Для нынешнего молодого поколения коммунистическая мораль – по счастью, пустой звук. Заставшим советскую школу она вспоминается громкой абстракцией – все заученно повторяли общие слова, но уже никто толком не понимал, что они значат. А тогда они были полны самого конкретного смысла. Согласно ленинскому учению, вечной морали не существует, а существует только классовая. Если буржуазная мораль гласит: «либо ты работаешь на другого, либо он на тебя», то в основе коммунистической морали лежит всесторонняя борьба за разрушение старой жизни и за построение коммунизма, которой должны быть подчинены все дела и помыслы. Коммунистическая нравственность должна быть направлена «против эгоистов и мелких собственников», то есть против индивидуалистской психологии. Таким образом, были заложены основы атеистической, а следовательно, неминуемо тоталитарной, коллективистской и антинациональной системы советского воспитания.

Крупской выделили школу отнюдь не для официального устройства жены вождя, а как основоположнику марксистской педагогики, в чем она была гораздо сильнее разностороннего Луначарского. Крупская работала в Наркомпросе с первых дней революции, являлась членом Государственной комиссии по просвещению, председателем Главного политико-просветительного комитета (Главполитпросвета), и председателем научно-методической педагогической секции Государственного ученого совета (ГУСа), занимавшегося в числе прочего и разработкой новых школьных программ. Осенью 1918 года была принята система единой школы с двумя ступенями: I ступень — 5 лет (начальная школа) и II ступень — 4 года (средняя школа).

Задача стояла грандиозная: уничтожив на корню старую «школу учебы» (имеющей основной задачей дать образование) с ее методами, создать «школу жизни», выработав новые принципы обучения. Таковыми стали воинствующий атеизм, воспитание материалистического мировоззрения, коллективизм, политехнизм, детский труд, и школьное самоуправление.

Основополагающему педагогическому принципу – воинствующему атеизму – было подчинено все образование в силу идеологического характера советской школы. Робкие попытки создания «безрелигиозной» школы были отвергнуты как антимарксистские. Крупская считала, что антирелигиозная пропаганда должна начинаться в дошкольном возрасте, когда эти вопросы начинают интересовать детей, однако убеждала обращаться с «орудием насмешки» крайне осторожно, чтобы не добиться противоположного результата. Оттого методы расстрела икон на глазах у детей или насильственного снятия с них нательных крестов она строго порицала и предлагала осуществлять антирелигиозное воспитание мирными средствами, попутно проповедуя коммунистическую мораль.

Средство первое: полное изгнание старых учебников и хрестоматий с заменой на новые учебники и детские книжки. На первых порах пытались как-то приспособить для обучения и старые учебники, например, устно переделывая некрасовскую фразу «по своей и Божьей воле» на «по своей мужичьей воле». Оказалось, бессмысленно, потому что в старой школе

все было проникнуто религиозным духом, насквозь. Книга для чтения К. Д. Ушинского, сетовала Крупская, буквально испещрена напоминаниями о Боге, вроде «Мама, мама! В Божьем небе Божьи ангелы поют, ходят розовые зори, ночи звездные плывут» и иллюстрациями на темы православных праздников. Книжка по истории рассказывала о крещении Руси, Владимире-христианине, основании Киево-Печерской лавры. Классики тоже подавались в религиозном ключе – одна пресловутая «птичка Божия не знает» чего стоила. Крупская сделала вывод: все советские декреты сводятся на нет, если дети продолжают учиться по таким учебникам.

Пока разрабатывали новые учебники, простая детская книжка стала самым востребованным средством коммунистического воспитания. Здесь Крупская призывала быть особо бдительными. Книжка может быть «организующая» или «дезорганизующая». Сказка может быть вредная и полезная. Даже сказка, написанная в былые времена, требует своего подхода – надо отделять форму от содержания. Мистические сказки с феями, русалками и лешими следует сразу выкинуть в мусорную яму – по мнению Крупской, несуществующий в действительности образ задерживает развитие ребенка, не допустимы и страшные сказки, травмирующие детскую психику, и не нужна вредная фантастика. К тому же большинство старых сказок содержат «классово чуждое содержание», да еще и подают его в фантастической форме, более влиятельной на детское сознание. Оттого разгрому подверглись басни Крылова «Ворона и лисица», «Лисица и виноград» и тому подобные с их «практической житейской мудростью, которая так чужда детям». Сказка должна быть «не фантастическая, а бытовая, схематизирующая известные социальные отношения», ибо и сказка призвана помогать познанию мира. Например, полезна сказка «Три медведя», потому что детям интересна проблема о большом и малом, (оттого им нравятся великаны, мальчик с пальчик и тп). В ней фигурируют три живых существа – медведи разной величины, имеющие соответствующий быт. «Девчурка примеривает себя к бытовым условиям жизни существ разной величины... Ей подходит маленький столик, стулик, маленькая мисочка и ложка, маленькая кроватка». Эта сказка близка ребенку. А сказка «О рыбаке и рыбке» ему вредна своей моралью, потому что учит: «Будь скромн в своих желаниях, не гонись за многим, иначе останешься у разбитого корыта» (?!!!) Так досталось Пушкину. Корнею Чуковскому досталось в особенности за сказку «Крокодил». Это действительно загадочная сказка, потому что и теперь не все понимают, о чем она написана. Кто-то видит в ней пародию на Февральскую революцию, кто-то – аллегорию I Мировой войны и даже Корниловского мятежа, но для детей центром в ней была героическая личность Вани Васильчикова, спасающего народ от крокодила и освобождающего девочку Лялю, попавшую в заложницы к зверям. Крупская усмотрела в ней злую пародию на Некрасова, искажение образа народа, пропаганду мещанской жизни, монархические симпатии, и главное, общий неправильный подход: вместо интересного рассказа детям о жизни крокодила на природе, Чуковский пишет «невероятную галиматью», и этой «буржуазной мутью» не стоит забивать детские головки.

Крупская призывала создать современную сказку – детскую по форме и коммунистическую по содержанию, а именно дающую детям «те понятия и живые образы, которые помогут им стать сознательными коммунистами». Ребятам постарше следует защищать уже не от мистики, а от дезориентирующих оценок социальных отношений. С этой целью Крупская предлагала переписывать популярных детских классиков, например Жюль Верна, выбрасывая из них буржуазное содержание. Требование к новому учебнику сводилось к тому же – учебник должен быть коммунистическим, то есть формировать у ребенка материалистическое мировоззрение. Но здесь Крупская выдвинула еще три конкретных условия: чтобы антирелигиозная пропаганда была связана с мировоззрением во всех областях знания, чтобы учебный материал был диалектически взаимосвязан и чтобы дух коллективизма проповедовался ребенку не через скучные назидания, а через доступные, увлекательные формы. В качестве удачной хрестоматии Крупская приводила в пример книгу Блонского

«Красная зорька». В ней не было рассказов о Боге, Пасхе и Рождестве, о бабочках и зайчиках, но говорилось о временах года, о сезоне труда, о железных дорогах, об Октябрьской революции. Не было мистики, но имелся занимательный сказочный элемент: мальчик во снах уносится то в тропический лес, то на берег моря, а то и в страну будущего. Вместо «Вороны и Лисицы» детям предлагались тексты «Интернационала» и «Смело, товарищи, в ногу». В качестве неудачной приводилась книжка со сказочным рассказом, как хулиган видит во сне Ленина, который велит ему ходить в школу и не обижать «мальчонку-бедняка».

Средство второе – воспитание материалистического мировоззрения за счет широкого преподавания эволюционной теории, естественнонаучных дисциплин и марксистского обществоведения, а также изучения всех предметов в диалектической связи: то есть исследование явлений в их причинно-следственной связи, уяснение их взаимозависимости и итоговое понимание закономерности: «Только изучая явления в их развитии, в их динамике, можно понять закономерность явлений. А там, где есть это понимание, там нет места религии». Даже знаменитые юные натуралисты изначально были частью плана правильно поставленной антирелигиозной пропаганды. Крупская учила увлекать детей в первую очередь естественнонаучными дисциплинами, которые в силу исследовательского метода познания приводили к установлению взаимосвязей и закономерностей явлений. Так воспитывалось умение наблюдать (особенно за природой), ничего не брать на веру и все проверять опытным путем. Крупская требовала, чтобы такой подход пронизывал всю жизнь ребенка.

Гуманитарные предметы спешно переводили на рельсы марксистского обществознания. Крупская настаивала, чтобы возобновилось преподавание истории и литературы как самостоятельных дисциплин, потому что поначалу их превратили в простую иллюстрацию фактами обществоведческих схем. По словам Крупской, правильное преподавание истории как этапов развития человечества и классовой борьбы даст понимание основ исторического материализма «вместо длинных анекдотов какого-нибудь Иловайского». Для правильного преподавания литературы она предлагала «вытащить из подполья» Радищева, Герцена, Чернышевского, Белинского, Добролюбова, Писарева и Льва Толстого, который может быть доступен читателю «только в результате установления социалистического строя». Иначе подобрать произведения – не морить молодежь на «Войне и мире», на Онегине и Печорине, а усадить за толстовское исследование Хитровки и за штудирование откровения «Что делать». Главное пересмотреть отношение к классикам, многие из которых были дворянами, и подойти «к оценке произведений наших писателей с точки зрения масс». Классиков нужно изучать так, чтобы они способствовали пониманию текущего момента. Например, как надо проходить «Ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем», чтобы ребенок понял слова Гоголя о своих персонажах: «оба – прекрасные люди» и «такие разные люди»? Надо задать ему сочинение: «Пуускай он опишет жизнь рабочего и сравнит ее с жизнью Ивана Ивановича. Тогда он поймет, какая коренная разница между жизнью тунеядствующего мелкого местного обывателя времен крепостного права и жизнью рабочего. После такой работы ученик совсем по-другому начнет смотреть на Ивана Ивановича и поймет, что между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем ничтожная разница, что это люди одного класса. После такой самостоятельной работы он по-новому подойдет к творчеству Гоголя». Естественно, темы о России нет даже в освещении Щедрина. Последний упоминается в связи с крепостным правом, царской бюрократией и Иудушкой Головлевым.

Средство третье: коллективизм, призванный развивать «детские общественные инстинкты», и воспитывать людей, умеющих «подходить ко всякому вопросу с точки зрения целого», умеющих подчинять свою волю коллективу. Из похода на православную религию неминуемо следовал натиск на человеческую личность. Как уже говорилось,

коммунистическая мораль была призвана переродить индивидуалистскую психологию, сообщаемую капиталистическим частным хозяйством, в коллективистскую психологию, вытекающую из потребностей коллективного труда. Социализм строит общественную жизнь на началах коллектива, также должна быть устроена и школа. Тут явилась любимая идея Крупской: не будет детского одиночества, не будет у подростка и потребности в религии, а значит и антирелигиозная пропаганда со временем станет ненужной: «некого будет пропагандировать». Ведь и рабочий в рассуждении Крупской безбожнее крестьянина потому, что он член коллектива – «ему Бога не нужно». Тогда как крестьянин пока еще мелкий единоличник, и его дети приходят в школу религиозными.

Если школу, созданную Лениным, Крупской, Луначарским и иже с ними можно назвать светской, это будет очень далеко от истины. Это была даже не отделенная от Церкви школа, а антихристианская, антицерковная школа, где исповедовали настоящую коммунистическую религию, как не противились ортодоксальные марксисты такому определению. А теперь попробуем представить, что другой школы не было?

Коллективизм распространялся на все сферы школьной жизни. Ему было подчинено построение всего учебно-воспитательного процесса. В старой школе ученик хоть и выгораживал товарищей перед лицом учителя, давал списывать или подсказывал, он все же учился сам, сам делал уроки, сам отвечал за пройденный материал и получал свои личные оценки, что было несносным индивидуализмом. В советской школе вводился коллективный метод усвоения знаний и отчета по ним, чтобы приучить ребят работать вместе и помогать друг другу, кто в чем сильнее. От этого метода отказались, когда осознали его пагубность для образования – дети просто оставались полуграмотными. А Крупская, настаивая на нем, преследовала и мудрую педагогическую цель. В то время советские дети представляли собой потомство не только рабочих и крестьян, но и «лишенцев» (священников, жандармов, буржуазии). Тогда как партия провозгласила всеобщее обучение детей до 17 лет и главное, поставила перед советской школой задачу быть проводником «идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс», в целях воспитания поколения строителей коммунизма. По мысли Крупской, школа, следовательно, должна воспитывать и детей «лишенцев», а это может сделать только такая школа, где все ребята связаны в один дружный товарищеский коллектив: «Это ведь в древности Моисей и другие пророки проклинали ослушников до седьмого колена, а мы, чай, безбожники; для нас все ребята — наши родные советские дети. Воспитывать из них надо строителей социализма. А это уж какое воспитание!» А воспитание это было – трудовое.

Давняя педагогическая мечта Крупской о единой трудовой школе включала в себя три тезиса: всестороннее изучение человеческого труда в прошлом и настоящем, построение процесса обучения на принципе политехнизма и организация детского труда. Это было во многом связано с прямыми потребностями страны – электрификацией, индустриализацией, развитием сельской техники. Отсюда требовалась прямая связь школ с фабриками и заводами. Отсюда же следовал принцип политехнизма: знакомство подростков в теории и на практике со всеми отраслями производства и техники, чтобы дать им представление о народном хозяйстве плюс продемонстрировать применение получаемых в школе знаний. Важен и моральный момент – социализм, говорила Крупская, не терпит барчат и белоручек, выдвигая педагогический постулат о необходимости детского производительного труда как условие всестороннего развития личности и воспитания коллективизма. Он имел целью приучить детей к коммунистическому труду – нравственному, бесплатному и добровольному (в смысле сознательному), почти как в учении Льва Толстого. Крупская предложила организовать этот труд в виде школьной кооперации – создать сильные детям цветоческие, куроческие, огородные, швейные кооперативы, и более того, создать при

школах платную работу, где дети смогли бы своим трудом заработать на первоначальный кооперативный взнос. Не всем же могут дать деньги родители.

Последний коллективистский метод – школьное самоуправление, в образе учкомов, советов отряда, старост, звеньевых, командиров октябрятских звездочек. Оно было призвано выявить и воспитать «детей-вожаков, детей-организаторов», умеющих стремиться к цели и увлекать за собой других. Крупская предостерегала и от копирования политической системы взрослых, и от детского администрирования. На первых порах наблюдались отрицательные опыты в виде насильственного умывания власть предержащими недостаточно умытых или вышвыривания несознательных из класса на отдых в перемену. А со временем дело свелось к чистой бюрократии.

Крупская стояла и у истоков детского коммунистического движения – пионерии, в которой видела, с одной стороны элемент игры, необходимый детям, а с другой – высшую форму детской политической организации. Задачи перед пионерией стояли те же, что и перед школой: создать новое поколение, но если в школе основное внимание уделялось все-таки учебе, то пионеры как самые сознательные, были наиболее призваны к воспитанию сверстников. Будущих пионеров воспитывали из октябрят. А начинать коммунистическое воспитание Крупская предлагала в детских садах, где следовало развивать у детей первые «общественные инстинкты» – чувство товарищества, волю к труду, к учебе, и сообщать им начатки правильного представления о советской жизни. Она настоятельно просила избегать образа Ленина, благословляющего детей. А после того как одна «девчурка ростом не выше стола», то ли дошкольница, то ли первоклашка, поведала Крупской, что они «учат ленинизм», она рекомендовала не преподавать малышам ленинизм, а просто рассказывать о Ленине как о живом человеке и борце за лучшую жизнь.

Плодом коммунистической морали и педагогического богоборчества стала жестокая, казенная, убогая школьная система, о которой помнится больше плохого, чем хорошего. Многим, кто застал ее конец, обычно вспоминается фильм «Чучело» как гениальный символ агонии советской школы, с ее трудовыми десантами, коллективными бойкотами, общественным судом линча и наплевательством одновременно. Где наряду с противоречивой, но не самой скверной личностью Железной Кнопки вырастают предатели, живодеры, отъявленные подлюги и прочие детки из клетки, весьма равнодушно относящиеся к вырождающейся морали, которая дала мертвые всходы и к идеалам, из которых, в общем-то, ничего не вышло. Да и их учительница уже небрежно изучала труды основоположницы. Ведь Крупская говорила, что даже за провинность ни в коем случае нельзя наказывать ребенка лишением экскурсии. Она во многом была умелым и даже талантливым педагогом, но превращала школу в душегубку. Не все педагогические замыслы Крупской были воплощены в жизнь, а иные были со временем отменены к исполнению. Советская школа безусловно воспитала множество честных, хороших, трудолюбивых, преданных родине людей, но поколения, каким его хотели видеть новоявленные творцы, не получилось, и явления нового человека тоже не состоялось. В противостоянии с религией эта школа потерпела моральное и историческое поражение.

В феврале 1939 года друзья собрались санатории в Архангельском отметить ее 70-летний юбилей. Сталин прислал в подарок торт. На праздничном столе еще стояли пельмени и кисель. По легенде, кто-то из гостей, увидев кисель, удивился: «Словно поминки». Вечером Крупской стало плохо. На следующий день после юбилея она умерла. Смерть ее так и осталась еще одной непознанной загадкой истории.

Возвращены из спецхранов некогда запрещенные ею книги Достоевского, Карамзина, Владимира Соловьева, Лескова, Лосского, Мережковского, Платона, Канта, Декарта.

Новые хроники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novchronic.ru/3178.htm>

Отечественное образование перешло на новые методики преподавания. Осталось преодолеть главное педагогическое наследие ушедшей эпохи. Ведь отсутствие ОПК как культурологического предмета в школах такой же анахронизм, как, например, кафедра научного коммунизма в высшем учебном заведении.